

Ю.М. Осипов

**О евразийской (постсоветской) межгосударственной интеграции
(вводные тезисы)**

1

Современный мир — мир межстрановой взаимообусловленности и планетарной целостности. Не так целое из частей, как части от целого. Качественное единение при качественном разнообразии. Не сугубо гетерогенный, но и не вполне гомогенный, а гетерогомогенный и гомогетерогенный. Единство, общность, схожесть при наличии несхожести, разобщенности и различности. Глобализация в сочетании с локализацией, интеграция — с партикуляризацией, мондиализация — с регионализацией.

2

Мир в движении, реструктуризации, реконструкции, перестроении. Качественные изменения и композиционные перемены. Неустойчивая текущая всемирная гармония на фоне хронической и переменчивой всемирной дисгармонии. Однополюсная миромасштабная централизация (глобализм) в борьбе с многополюсной по миру децентрализацией (регионализмом). Взаимообусловленный партикуляризм в борьбе с безусловным (на себя замкнутым) глобализмом. Эгоизм, неэффективность и невозможность однополюсной централизации планетарного бытия, как и управления миром из одного центра в интересах этого центра. Разнообразие против однообразия. Полицентризм против моноцентризма. Неизбежность диверсификации. Формирование больших межстрановых систем — как региональных, так и межрегиональных, как пирамидальных, так и сетевых, как моноцентровых, так и полицентровых.

3

Евразийский интеграционный замес-процесс. Дезинтеграция СССР и соцсистемы как стартовая ситуация для новой межстрановой интеграции на постсоветском (евразийском) пространстве. Многонациональная Россия как инициатор и движитель евразийской (постсоветской) *не*-империальной межстрановой интеграции. Москва — негласный (неназванный) интеграционный центр на евразийском (постсоветском) пространстве. Не центр-управитель, а центр-инициатор, центр-собиратель и центр-лидер. Лидерство России при полном равноправии стран-участниц. Не одна взаимовыгодность, но и взаимовыживаемость (взаиможизнеспособие). Феномен российского (великодержавного) покровительства в сочетании с общими взаимными обязательствами стран-участниц.

4

Хозяйственная интеграция в сочетании с приемлемым для стран-участниц политическим партнерством. Не слияние и не союз, а договорное взаимодействие. Не единение, а совместность. Добровольная межстрановая солидарность в контексте всемирной глобализации перед лицом амбициозного однополюсного глобализма и с учетом любой внешней конкуренции и любых экспансионных намерений.

5

Не общее и не единое, а всего лишь взаимопереплетенное хозяйство, но реализуемое в общем, хотя и не едином, хозяйственном пространстве. Максимально свободное движение товаров, капитала, труда, технологий, знаний. Наличие общих (целостных, многосторонних и двусторонних) проектов: монетарных, финансовых, инвестиционных, производственных, инфраструктурных, научных, образовательных, народонаселенческих. Взаимоприемлемая интеграционная институциональность (учреждения, организации, законы). Возможность общего координационного правительства, иных органов взаимного управления и контроля. Валютное взаимодействие вплоть до целостного валютного союза с перспективой перехода к единой валюте. Возможность общих фондов и программ развития, в особенности по приоритетным для интегрирующейся Евразии направлениям.

6

Поиск современным человечеством *нового планетарного мироустройства* (не сводящегося к моноцентровому глобализму и предполагающего наряду с глобализацией полицентровый локализм), активно стимулируемый ныне *всеобщим затяжным мировым кризисом* — не просто экономическим (или хозяйственным), но и вполне системно цивилизационным, даже и хомо-бытийным. Не только общее нестроение планеты, но и все более обостряющаяся экзистенциальная проблемность: экологическая (загрязнения, нарушения, перекосы, дисбалансы), народонаселенческая (в том числе и перенаселенческая); лимитационная (нехватка ресурсов, энергии, естества); избытковая (производства, вещей, товаров, денег, городов, инфраструктуры, транспорта, вообще всей искусственности); безопасности (возрастание рискованности, уязвимости бытия, усиление криминала, мирового терроризма, угроза тотальной войны); гуманитарная (нашествие антикультуры, тенденция расчеловечивания человека и десоциализации общества, рост бытового беспокойства и утеря полагаемого позитивного будущего). Ведомый глобальным (Западным) центром планетарный мир не просто в тотальном кризисе, но и в кризисе совершенно апокалиптическом, из которого на путях глобализации и под опекой глобализма нет никакого выхода. Отсюда необходимость формирования больших антикризисных региональных пространств и локальных сетей, способных не только ослабить и преодолеть всемирный эсхатологический кризис, но и не допустить всемирной войны всех против всех, планетарного Армагеддона.

7

Современный мир — мир *миров*, а не только мир цивилизаций, культур, государств, стран, народов. Уже континенты и те же стороны света — миры, миры в мире, но главными мирами на планете являются сегодня: Западный глобализационный и глобализующий планету мир — это с одной стороны, а с другой — весь остальной, глобализуемый и немало уже глобализированный Западом, мир, но в силу своих опор на традицию альтернативный Западу мир — мир *не-Западный*. Современный планетарный мир — *мир борьбы миров*: одного плотно синтезированного, однополюсного, одноцентрового, даже и весьма уже однообразного, в целом гомогенного, хотя при этом и все еще довольно разнообразного и частью даже

гетерогенного (те же Западная Европа с Японией все-таки не США), и другого мира — не слишком или вовсе не интегрированного, многополюсного, полицентрового, явно разнообразного, гетерогенного, но при этом склонного к образованию больших региональных и диссипативных межгосударственных систем. За разного рода «диалогами», ныне широко ведущимися в мире, скрывается все-таки не что иное, как борьба, и, кажется, борьба если еще не на смерть, то явно уже за жизнь, за субъектность, за будущее, за бытие вообще. Нынешнее время — время не просто больших проблем и напряжений, это время *крайних крайностей*, а потому и время больших, всюю и неожиданных перемен, не чуждых и конечных исходов. От мирного соревнования миров до полноценной войны миров — один шаг — и избежать такую войну можно, лишь противопоставив амбициозному глобализму защитный партикуляризм, заносчивому моноцентризму — умеренный полицентризм, а передовому Западу, породившему, стимулирующему и разжигающему всемирный кризис — какое-то иное, вполне не такое уж «передовое», жизнеустройство — *не-Западное!*

8

Запад дал очень многое человечеству: науку, технику, индустрию, совершенную экономику, общее развитие, прогресс, обширный искусственный мир, вырыв в космос (СССР, надо заметить, более всего участвовал в реализации как раз Западного проекта). Однако Запад, а сегодня это уже постмодерновый, то бишь в высшей степени паразитарный, как бы надчеловеческий, мир, не может бытийствовать, не эксплуатируя весь планетарный мир, не подчиняя его себе, не управляя им в своих интересах. Отсюда, кстати, и глобализация — как охват всего мира, и глобализм — как этим миром всеохватывающее управление из одного центра. Несмотря на великую во всех отношениях роль Запада в прогрессе человечества (хотя и неоднозначную, и противоречивую, а может, и эсхатологически роковую), остальной, т. е. *не-Западный*, мир не может признавать свое зависимое и второстепенное положение относительно передового-де Запада, отчего имеют место как добровольная вестернизация («догоняние» Запада, его ускоренного усвоения), так и выработка собственных вариантов бытия на основе *Традиции*, хоть и с непременным вбиранием западного «передовизма». Китай, Индия, Бразилия и та же Россия могут позволить себе собственное альтернативное, т. е. *не-Западное*, бытие, но, во-первых, при взаимной все-таки поддержке друг друга (БРИК) и, во-вторых, с устройением региональных и диссипативных (сетевых) межстрановых интеграций, разумеется, при своих локальных в них лидерствах. Так или иначе, но *не-Западные* интеграционные процессы в современном мире неизбежны и они активно претворяются в жизнь. Никакого моноцентризма в *не-Западной* части мира быть уже не может, а потому не гигантская интеграция его в какой-то единый мир, а возникновение ряда взаимообусловленных, но вполне самостоятельных больших интеграций со своими локальными лидерами: либо империяльными, либо «братскими», либо показательно-поведенческими («делай, как я», «делай со мной», «иди за мной»).

9

Евразийская (она же и постсоветская) интеграция в поиске самой себя, своей идентичности, своей практической возможности. Разность субъектов дополняется не только их недавним совместным, вполне и интеграционным, прошлым (в составе СССР), но и частью почти стопроцентной друг с другом культурно-этнической совместимостью (большая часть России, Украина, Белоруссия). Выпавшая на долю постсоветских государств независимость вполне внезапного и вовсе не глубоко исторического происхождения, не слишком-то эффективно подтверждающая субъектную самостоятельность «освободившихся» стран. Это как существенно облегчает интеграционный между этими странами процесс, так и в формальном плане немало его затрудняет (страх перед российско-советским имперским синдромом; соблазн держать «полную независимость»; прельщение со стороны внешнего, прежде всего — Западного, мира, отчего желание уйти в Европу, примкнуть к Турции, подпасть под Китай; опасение национальных элит за свое самовластное положение). Однако потребность в евразийской совместности объективно есть, и она так или иначе пробивает себе дорогу.

10

Ни о каком воссоздании СССР не может быть и речи — в этом и нет никакой необходимости! Быть сейчас вместе — не значит оказаться в новом СССР. В таком возврате к прошлому нет никакой заинтересованности не только у нынешних нероссийцев, но и у самой России. Россия более ни для кого не руководитель, не «старший брат», не покровитель, а главное — не донор. Быть вместе с Россией, как и России быть вместе с нероссийцами — быть не в одной семье и не в общем доме, а всего лишь в одной функциональной группировке и в общем взаимовыгодно обустроенном пространстве. Каждый взыскует от интеграции своей пользы, но каждый и платит за интеграционную выгоду — чем может, помимо неизбежной в данном случае взаимной ответственности. Подобная интеграция — не образование новой империи, но и не появление большого благотворительного учреждения. Ни авторитарного эгоизма, ни либерального альтруизма. Политика! Главное тут: осознание всеми странами, что вместе им лучше, чем порознь; понимание того, что быть вместе, не значит потерять независимость и ослабить свою субъектность, скорее — наоборот; усвоение того непреложного факта, что выжить и овладеть будущим сегодня можно только *вместе*, крúгом, большим воспроизводственным пространством, причем с непременным стремлением к своеобразию и самости, к отличному от Запада и Востока бытию, к иному воплощению человеческого предназначения.

11

Евразийское (постсоветское) пространство располагает необходимыми возможностями для межстрановой интеграции, а в некотором отношении и *ре*-интеграции: немалая общая история; совсем недавняя совместность; еще не исчезнувшая системность в разделении и кооперации труда и хозяйства; богатые ресурсы; развитая, во многом и совместная, инфраструктура; образованное население и не канувшая в лету творческая элита; оборонный комплекс; достаточно схожие интересы у интегрирующихся стран; языковая культурная, цивилизационная и даже

идеологическая совместимость. Если в Европе все ее насельники более или менее европейцы, то в Евразии все ее насельники более или менее евразийцы: от восточных европейцев до западных азиатцев. Потенция к интеграции (собираению) в целом сегодня сильнее потенции к дезинтеграции (рассыпанию). Ультиматум времени: либо вместе и в *собственное* будущее, либо порознь, но *без своего* будущего! Сегодня мудр не тот, кто, сломя голову, стремится в глобалический омут, а тот, кто создает, освобожденный от такого стремления, самостоятельный и самостоящий гетероинтеграционный континент. Интеграция — не слияние, не поглощение, даже не соединение, а всего лишь межсубъектное объединение, в котором сохраняются независимые субъекты, лишь образующие все вместе большой коллективный субъект. Интеграция — не торжество единения-однообразия, а возможность общего воспроизводственного пространства, совместного бытования и коллективной координации.

12

Любая социальная система, любое человеческое сообщество, любая хозяйственная организация не обходятся без того или иного *лидерства* (можно сказать — *аттракции*). Нравится это кому-либо или нет, но на евразийском (постсоветском) пространстве такое лидерство (пусть сегодня формально и не признаваемое, даже оспариваемое) принадлежит Российской Федерации (заметим, не осуществляется, а лишь принадлежит). Это и понятно: мощная государственническая (великодержавная) традиция; научно-технический, образовательный и культурный потенциал; большие и разнообразные ресурсы; опыт решения больших задач и реализации больших проектов; Москва как одна из ведущих столиц мира; многонациональность, межконфессиональность и интернациональность России; реальная военная сила с мощным оборонным комплексом. Российская Федерация — идеальный лидер межстрановой интеграции, причем именно евразийской интеграции, осуществляющейся в глобалическом контексте, в условиях мирового кризиса и в обстановке мирообусловленного соперничества. Ни одна из евразийских (постсоветских) стран, исключая Россию, не может взять на себя роль интеграционного лидера (не руководителя, не управителя, а именно *лидера*), что вовсе не говорит об ущербности нероссийских стран, а лишь свидетельствует об отсутствии для лидерской роли необходимых возможностей, опыта, ресурсов и некоторых важных исторически обусловленных черт. Мирный распад СССР, приведший к образованию сонма независимых государств — доказательство от противного возможности мирной и не на условиях СССР или той же Российской империи фактической реинтеграции не ушедших в Европу или в Азию постсоветских стран. Новая евразийская интеграция — потребность не одной России, а всего многонационального евразийского сообщества, реализующего свое бытие в контексте бытия мирового, вовсе не такого уж к Евразии доброжелательного. Конкуренция за жизнь сильнее любого международного альтруизма, а интернациональная солидарность — достояние прежде всего близких по проблемному бытованию и вопросной истории стран-соседей, пусть и не всегда и не во всем между собою согласных. Мотор интеграции — не принуждение, а доброволье, хотя понуждение к инеграции со стороны обстоятельств никто, нигде и никогда

игнорировать не может. Евразийская интеграция — не прихоть и не соблазн, а самая обыкновенная необходимость, как раз та самая, которую-то никак и не обойти!

13

Пример европейской интеграции — важный пример, но лишь для учета и анализа, а не слепого подражания. Осуществленная европейская интеграция — вовсе не возможная ныне евразийская, хотя и в чем-то похожая (тарифное соглашение, потом и общеэкономическое, а там, глядишь, и политическое), но вовсе не идентичная. В Европе интеграцию вели только что отвоевавшие между собой национальные государства с большой собственной историей и культурой, великим в прошлом между собой имперским соперничеством, сами в недавнем прошлом колониальные или евротерриториальные империи. Европа наступила на горло своей нововременской исторической песни, полной соревновательных, военных и вообще имперических мотивов, и пустилась по пути добровольного, пусть и весьма вынужденного, объединения. В таком объединении не могло быть монолидерства ни одной из великих европейских стран, хотя и присутствовало негласное лидерство ряда скооперировавшихся между собой ведущих государств. Только сейчас, когда Европейский союз попал в собственный мощный системный кризис, наметилась тенденция, — нет, не к монолидерству какой-либо из стран, — а созданию внутривнутриблокового лидерского, если не командного, управленческого центра (не с Берлином, Парижем или Лондоном во главе, а с... Брюсселем, однако за которым, безусловно, стоят Берлин, Париж и тот же Лондон, если этот последний не покинет ЕС). Имеет место авторитаризация управления внутри ЕС, а сам ЕС все более обретает черты *паневропейской империи* — наследницы Римской империи и завершительницы всех панимперических попыток — от Карла Великого до Гитлера.

14

Евразийский (постсоветский) вариант — *иной*, не европейский, ибо интеграционные субъекты иные, историческое наследие иное, стартовая ситуация иная, обстоятельства иные. Да, потребность есть, даже кое-какое осознание у субъектов есть, но не хватает еще убежденности и решимости у стран-нероссийцев, что и понятно, ибо никто из них не желает ни нового СССР, ни какой-либо новой Российской империи. Здесь важно подчеркнуть, что всего этого не хочет и Россия, вовсе не желающая платить собою за сомнительно-равноправную-де интеграцию. Условия интеграционного процесса должны быть ясными, понятными и в то же время жесткими: равноправие, взаимовыгодность и взаимная, вполне и строгая, ответственность, но уж никак не возможность извлечения кем-либо из участников одностороннего «дружеского» гешефта. Ни любви тут никому не надо, ни дружбы, а потребны лишь взаимоуважение и ответственное партнерство. Россия при этом не может не быть лидером, но не командным, не «верхним», а всего лишь находящимся в основе объединения и идущим в его авангарде, что не исключает, конечно же, какого-то внутри всего объединения взаимного контроля — с целью недопущения межгосударственного авторитаризма.

Шанс у евразийской интеграции есть, хотя на ее пути весьма серьезные и сильные препятствия: с одной стороны, вполне объяснимое предубеждение относительно России и ее неизбежного лидерства, а с другой — влияние внешнего конкурентного контекста, старающегося не допустить евразийской интеграции, да еще и вокруг России, выдвигающего на передний план разного рода соблазны для стран-нероссийцев, вплоть до других интеграционных, и оказывающего странам-отказникам материальную и политическую поддержку. Ясно, что евразийская интеграция могла бы пойти определеннее и быстрее, если бы Россия, этот главный инициатор интеграции и ее исполнитель, демонстрировала бы сегодня вполне уверенный и достаточно скорый подъем, встала бы на путь системного неоиндустриального развития. И пока этого у России нет, несмотря на ее немалые стабилизационные достижения, проблема евразийской интеграции будет оставаться слишком проблемной. Однако Россия, кажется, выходит на новый исторический старт, за которым и подъем, и развитие, а потому ее интеграционные усилия не столь уж тщетны, как это может кому-то со стороны видеться. Тут надо иметь в виду, что хотя прочной и эффективной интеграции без подъема стран-участниц быть не может, но и устойчивого подъема их стран без их взаимной интеграции тоже ведь быть не может! Так что для движения по пути интеграции важны сегодня не столько сиюминутные политические соображения и немедленные подтверждения экономических выгод, сколько полные исторических смыслов стратегические соображения-расчеты, учитывающие сразу все: традицию, современность, будущность, а главное — давление как внутренних (евразийских) потенциалов, так и внешних обстоятельств и сил, а давление это, несомненно, усиливается!